Библиография топонимии Русского Севера насчитывает огромное число публикаций. Подавляющее их большинство посвящено этимологизации отдельных топонимов или их групп, установлению и детализации языковой принадлежности народов, проживавших на данной территории, исследованию истории славянского заселения и освоения Севера, а также характера славяно-финских (в широком смысле последнего слова) языковых и хозяйственных контактов. Гораздо меньшее число работ посвящено проблеме отражения в топонимах духовной культуры народов, особенностей восприятия ими окружающего мира – проблеме, относящейся к области этнолингвистики. Книга Елены Львовны Березович в значительной степени восполняет этот пробел. По определению самого автора: "этнолингвистическое исследование, имеющее дело с двойным отражением (фрагмента действительности – в сознании носителя культуры, фрагмента сознания – в языке), должно, соответственно, ставить перед собой две взаимосвязанные задачи: определить специфику национально-обусловленного восприятия фрагмента действительности; показать особенности языкового канала трансляции информации о данном фрагменте действи-

тельности. По отношению к топонимическому материалу эта двуединая задача может быть сформулирована так: *выявить своеобразие топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа*" (с. 10–11).

Е.Л. Березович подробно рассматривает следующие основные проблемы: концепция географического пространства в русской топонимии; народная религия и верования в зеркале топонимической номинации; человек и пространственные объекты (процессы интеракции); топонимия и фольклор (взаимодействие различных версий этнокультурной информации). В ограниченных рамках рецензии невозможно даже простым перечислением охватить богатство поднятых в книге вопросов, выдвинутых идей и конкретных наблюдений (приводящих порой к совершенно неожиданным результатам)¹. Многие из этих

¹ Работа Е.Л. Березович базируется на данных картотеки Топонимической экспедиции Уральского государственного университета по территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская и часть Костромской области), содержащей более 900 000 единиц хранения. В сопоставительных целях использованы материалы по топонимии ряда при-

наблюдений, думается, заставят пересмотреть общепринятые "очевидные" обоснования семантики ряда топонимов. Одно из ключевых положений книги (с. 43–44) гласит:

«Если поиск исходного апеллятива осуществляется при отсутствии каких бы то ни было сведений об объекте и топониме, то используемый для этого ономастологический и этимологический анализ теряет семантическую поддержку и в значительной степени утрачивает результативность, поскольку исследователь оказывается лишенным ключа, позволяющего выбрать:

– из нескольких омонимичных (гомогенных или гетерогенных) форм ту, которая легла в основу данного названия (приведен пример: с каким апеллятивом связан топоним *Попадья*: *попадья* 'жена попа'? или диалектным *попадья* 'глубокий овраг с отвесными стенами'? Только зная, что *Попадья* – название лога, можно выбрать второй вариант; ср. с названием горы *Попадьевы Груды* или *покоса Попадья* – "как юбка широкая" – А.Ш.);

– из ряда значений многозначного слова то, которое реализуется в данном случае (каков смысл названия *Летнее*: объект используется летом? Находится на *лете* = на юге?)

– из пучка возможных мотивировок ту, которая мотивирует данное имя (почему объект назван *Вавилоном*: это "место разврата"? место, где живут носители разных языков?). Добавим от себя (А.Ш.) и *вавилон* 'изгиб': "река пошла *вавилонами*"; здесь мы опять сталкиваемся с омонимией возможных этимологов.

Нижеприведенные избранные примеры иллюстрируют сказанное, предостерегая от лобовых, "напрашивающихся" решений при анализе внешне простых смыслом топонимов.

Бабы топонимы зачастую являются своеобразными маркерами близкого расположения объекта к дому (с. 95). Заметим, что для данной группы топонимов нельзя упускать из вида и возможного финно-угорского влияния (традиций, возникших под влиянием индоевропейского субстрата или адстрата): в прибалтийско-финской и саамской топонимии многие "бабы" топонимы имеют сакральное значение. Нельзя упускать из вида и диал. *баба* 'старика реки'.

Маркерами близости объекта к дому являются и образы некоторых домашних животных и птиц: кошки и курицы, причем *куриные* топонимы также зачастую маркируют и предельно мелкие гидрообъекты (с. 95–96).

легающих регионов. Активно привлекаются публикации по частным проблемам и общим вопросам ономастики (библиография работы насчитывает 807 источников).

Истинный смысл *правых* и *левых* названий во многих случаях можно постичь лишь установив точку отсчета номинатора. Так, в топонимической системе деревни Шегмас Лешуконского р-на Архангельской обл. функционируют две пары *Правых* и *Левых Рассох* (истоки рек Кузегга и Боровая). В обоих случаях правая и левая стороны определены по ходу движения к объекту от дома, но при этом в первом случае "правое" и "левое" определялось при движении против течения реки, во втором – по течению (с. 102–103).

Неоднозначна подчас ситуация и с *передними* и *задними* названиями: номинатор может находиться между соответствующими объектами (один – "на задах" деревни, другой – перед ней), а также вовне их обоих (тогда *передним* объектом оказывается ближний к деревне, а *задним* – дальний) (с. 106–108).

Названия, обозначающие верхние и нижние (относительно какой-то точки отсчета) объекты, встречаются, как правило, парами (порой дополняясь и "средним" членом оппозиции). Это наблюдение на первый взгляд тривиально. Но если обратиться к субстратной (финно-угорской) топонимии этих же территорий (см. работы А.К. Матвеева), картина оказывается совершенно иной: "верхние" названия не имеют, как правило коррелятивных пар. Это объясняется "маршрутным" видением древних насельников края, для которых были характерны сезонные перекочевки (обусловленные типом хозяйства, в котором доминировала охота, рыболовство и оленеводство), связанные зачастую с преодолением водоразделов. Верховья реки, к тому же, часто являлись пределом хозяйственно освоенной территории (с. 109–110).

Названия типа *Дурак*, *Болван*, *Солдат*, *Монах* зачастую знаменуют не внешний образ самого объекта, а его отдаленность от других однотипных, или же неудобство для его преодоления (с. 162–163).

Интересна идея о былом существовании "наивного метрологического" критерия протяженности или удаленности объекта – расстояния, на котором слышен человеческий голос (поле *Зычное*, тоня *Подзаголок*). Прямые аналогии этому автор находит в финно-угорских языках (с. 181–182). Этот вопрос, конечно, заслуживает дальнейшей разработки. Укажем, что В. Ниссиля отводил карельским "голосовым" топонимам иную, "путевую" роль: крик с данного объекта сигнализировал владельцу лодки о необходимости переправить путника через водную преграду (ср. аналогичную функцию названия *Долгие крики* в одноименном рассказе Ю. Казакова).

К наивной метрологии автор причисляет и своеобразный способ измерения глубины водных объектов, видя его отражение в названиях ручьев, речек, болот, покосов *Гуздомойки*, *Мокрогуз*, *Беспорточный*, *Безоштянка*, *Гологузка*, *Голожопица*, *Голопуповщина* (с. 183–184).

Необжитое пространство именуется как *глухое*, *слепое*, *вольное*, *пустое* (озеро *Пустое* не обязательно скудно рыбой; просто оно не обжито, не освоено). В номинации опасных в преодолении, труднодоступных объектов часто используется образ *собаки* (с. 185–189).

При исследовании названий, отражающих религиозные представления и верования, сделано следующее нетривиальное наблюдение: топоним *Кресты* (ср. *кресты* 'перекресток дорог') может связываться с представлениями о нечистой силе ("там манило, черт там баловался", "там леший водит", "место там особое, страшное, манит") (с. 301).

Необходимость учета исторической информации (в данном случае – деятельности монастырей) иллюстрируется великолепным примером (с. 287): близ дер. Лопшеньга на Летнем берегу Белого моря находится тonya *Сиська*, что можно считать образным названием (ср. многочисленные "анатомические" топонимы типа *Бабье Гузно*, *Брюшина*, *Бабья Жона*, *Титька*). И, действительно, один из информантов дает такую мотивировку топонима – "там мелко место посреди, бат, как сиська торчит". Однако Е.Л. Березович имеет основания утверждать: "косвенные падежи этого топонима (*на Сиськой*, *к Сиськой*) указывают, что перед нами прилагательное (стяженная форма именительного падежа прилагательных – распространённое явление в севернорусской топонимии). Скорее всего, следует восстановить исходную форму **Сийски(я)*, ср. историческое свидетельство о том, что тонями у д. Лопшеньга длительное время владел Антониюво-Сийский монастырь".

Особо хотелось бы отметить новаторский подход Е.Л. Березович к трактовке ряда русских топонимов как отражения взаимодействия (а не просто отношения) человека и географических объектов. Автор обоснованно вводит понятие *интерактивных* топонимов. Последние определяются (с. 351) как топонимы, которые связаны с характеристикой динамической стороны представления субъекта в географических названиях, взаимодействия человека и ландшафтных объектов. Здесь речь идет не просто о введении нового термина или добавления новой позиции в семантическую классификацию топонимов. Вопрос гораздо серьезней. Именно введение данного понятия позволяет в извест-

ной степени упорядочить такую классификацию, избавить ее от избыточных позиций и сделать более строгой. Ограничимся следующими моментами.

Большинство (если не сказать все) классификаций топонимов по семантическому принципу² оставляют часть материала в тени, обрекая его на маргинальное положение и ссылая в разделы "разное", "прочие названия", "нерегулярные названия" и т.п. Таким образом, место подобных топонимов в общей картине оказывается абсолютно неопределённым (а коли так, неясна и их ценность для лингвистических, культурологических и иных исследований). Между тем подобные топонимы (при выяснении мотивации, обстоятельств их возникновения) оказываются в большинстве случаев, вполне классифицируемыми (с. 373–412).

Традиционные классификации неоправданно включают в те или иные группы топонимы лишь по внешним признакам: "собачьи", "куриные" и т.п. – в раздел "Фауна", "беспорточные" и "гологузные", соответственно, в разделы "Одежда" и "Части тела" и т.д. На самом же деле первые названия очень часто характеризуют степень удаленности объекта от жилья или трудности его преодоления, а вторые – условия преодоления (глубина речки, болота требует той или иной степени оголения, дабы не замочить одежду при переходе) (с. 370). Таким образом, традиционные классификации часто провоцируют ложные этимологии.

Существенно, что от *интерактивных* Е.Л. Березович отделяет *событийные* топонимы (с. 365): взаимодействия человека и географической реалии как таковой может и не быть, если эта реалия была лишь фоном для события. Ср.: поле *Заблудни* – "девка заблудилась" и бол. *Заблудное* – "люди пойдут, заблудятся".

Основной вывод автора: интерактивная русская топонимия демонстрирует прагматичность восприятия окружающего пространства, которое конституируется функционально, представляя, как сумма значимых в хозяйственном отношении угодий. Нам этот вывод представляется в целом верным, но несколько расплывчато сформулированным, даже учитывая предшествующее развернутое обсуждение материала. Как следует из исследований многих авторов, ранняя русская и дорусская

² Как пример, приведем популярный принцип генеральной дискриминации топонимов согласно Н.Б. Ковалевой): 1) номинация по связи объекта с человеком; 2) номинация объекта по отношению его к окружающим объектам; 3) номинация объекта по его собственным свойствам и качествам.

(прибалтийско-финская и саамская) топонимия севера России прагматична в своей основе как таковая. Возможно, излишняя краткость и осторожность Е.Л. Березович в данном моменте продиктована самой новизной постановки проблемы и обилием материала, подлежащего анализу. Считаем, тем не менее, что подход, развитый автором, является серьезным вкладом в теоретическую ономастику.

Отдельный вопрос, рассматриваемый Е.Л. Березович – взаимодействие топонимов и фольклора (типология отражения топонимов и мифотопонимов в текстах произведений устного народного творчества, топонимические предания, возможность верификации внутренней формы топонима на основе топонимических преданий).

Не имея возможности для подробного комментария анализа автором топонимических преданий с мифологическими или историческими мотивами, приведем наиболее значимые, на наш взгляд (с точки зрения топонимических исследований), выводы:

«Топонимия и фольклор вступают в тесное взаимодействие, обнаруживаемое на разных уровнях... Следует найти случаи корреляции между мотивировкой топонима и мотивами фольклорных произведений. Такие случаи реализуют фольклорную ремотивацию топонима (объяснение внутренней формы географического названия с помощью произведения устного народного творчества или в связи с ним). Проблема фольклорной ремотивации имеет "двойное дно": связь между мотивом фольклорного текста и мотивировкой топонима может носить как первич-

ный, так и вторичный характер, что переводит изучение фольклорно-топонимических соответствий в плоскость восприятия топонимов и вместе с тем ставит проблему верификации вторичной информации.

Попытка рассматривать географическое пространство как арену, где происходили исторические события, приводит к тому, что историческая тема, "иницированная" одним из географических названий, нередко получает развитие в преданиях, направляемых именованиями смежных объектов.

Взаимовлияние этнокультурной информации, эксплицируемой фольклорными текстами и топонимами, оказываются асимметричными: фольклорная информация в редких случаях мотивирует топоним, в то время как обратная ситуация весьма частотна».

За рамками книги осталась субстратная финно-угорская топонимия Русского Севера (хотя автор знаком со многими результатами исследований в этой области и в ряде случаев удачно их привлекает: см. выше об оппозиции "верх – низ" и др.). Полагаем, что основные результаты исследования Е.Л. Березович помогут многое прояснить и в этой области. В свою очередь, учет результатов соответствующих исследований, очевидно, внесет некие коррективы в иные концепции автора. Особый интерес представляет выявление как сходства, так и различий в характере отражения и восприятия окружающего мира топонимией разноязычных обитателей этих краев. Но это задача уже будущих исследований.